

Ее тело и другие

Автор:

[Кармен Мария Мачадо](#)

Ее тело и другие

Кармен Мария Мачадо

МИФ Проза

Фантастическая коллекция историй, позволяющая по-новому взглянуть на истинную женственность и сексуальность. Среди героинь Мачадо – идеальная жена с идеей жертвенности; женщина, которая решается на операцию по уменьшению желудка, чтобы обрести фигуру мечты; писательница, которая в поисках творческого вдохновения сталкивается с воспоминаниями из детства... Заимствуя приемы из самых разных жанров от научной фантастики и магического реализма до хоррора и документалистики, Кармен Мария Мачадо сочетает несочетаемое, исследуя роль и самоощущение женщин в современном мире. Она одна из главных современных представительниц новой экспериментальной прозы. Лауреат Национальной книжной премии критиков США, финалист Национальной книжной премии США, премии Nebula и Франца Кафки. На русском языке публикуется впервые.

Кармен Мария Мачадо

Ее тело и другие

Carmen Maria Machado

Her Body and Other Parties

Издано с разрешения The Friedrich Agency and The Van Lear Agency

Перевод с английского Любови Сумм

Дизайн серии, иллюстрация и дизайн внутреннего блока Макса Зимина (дизайн-студия «Космос»)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2017 by Carmen Maria Machado. By arrangement with the Author. All rights reserved

© Перевод на русский язык, издание на русском языке ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

?

Моему деду Рейнальдо Пилар Мачадо Горрину

quien me conto mis primeros cuentos, y sigue siendo mi favorito[1 - Который рассказывал мне сказки и навсегда остался моим любимым (исп.). Здесь и далее примеч. ред.]

И Вэл –

Я обернулась – и там была ты.

Мое тело – дом призраков

Я потерялась в нем

Дверей нет, лишь ножи

И сотня окон.

Джеки Жермен

Богу следовало сделать девушек смертоносными,

Раз он сделал мужчин чудовищами.

Элизабет Хьюэр

Шов для мужа

(Если будете читать эту историю вслух, пусть наши голоса звучат так:

Мой: в отрочестве – голос высокий, напряженный, невыразительный;
у взрослой – такой же.

Юноши, который станет мужчиной и моим мужем: уверенный в своих силах и интуиции.

Моего отца: добрый, зычный, как у вашего отца или у отца, которого вы хотели бы иметь.

Моего сына: у малыша – нежный, чуть шепелявый; у взрослого – как у моего мужа.

Всех остальных женщин: их голоса неотличимы от моего.)

Начало: я первая, прежде него, поняла, что хочу его. Так дела не делаются, но я все решила и знаю, как поступлю. Мы на вечеринке у соседей – я и мои

родители, мне семнадцать. Вместе с дочерью соседней, она немного младше меня, я выпила на кухне полстакана белого вина. Мой отец ничего не заметил. Краски чуть расплываются, как на только что нарисованной картине.

Тот мальчик стоит ко мне спиной. Я вижу мышцы его шеи и плеч сзади, они распирают застегнутую на все пуговицы рубашку, можно подумать, работяга вырядился на танцы – и я запала. А ведь нельзя сказать, что выбирать не из кого. Я красива. У меня соблазнительный рот. Мои груди набухают под платьем невинно и в то же время вызывающе. Я – хорошая девочка из хорошей семьи. А он грубоват, так, по-мужски, и я – я хочу. И мне кажется, он может захотеть того же, со мной.

Мне рассказывали историю об одной девушке: она попросила у своего возлюбленного нечто столь мерзкое, что он рассказал ее родителям, а те отправили ее в сумасшедший дом. Я не знаю, о каком извращенном удовольствии она мечтала, но мне до смерти хотелось бы это узнать. Что же такое чудесное возможно столь отчаянно пожелать, что за одно желание тебя изолируют от знакомого мира?

Наконец парень замечает меня. Милый, немного растерянный. Здоровается. Спрашивает, как меня зовут.

Я всегда хотела сама выбрать время. И я выбрала этот момент.

На веранде я целую его. Он целует меня в ответ, сначала нежно, потом настойчивее и даже слегка раздвигает мои губы языком, удивляя меня и, думаю, себя самого. Много я успела нафантазировать в темноте, в своей постели, под тяжестью старого стеганого одеяла, но такое не представляла себе никогда. Я издаю стон. Он отстраняется – как будто в испуге. Взгляд его мгновение мечется по сторонам и наконец останавливается на моей шее.

– Что это? – спрашивает он.

– А, это? – Я касаюсь ленты сзади, пониже затылка. – Просто моя ленточка.

Я провожу пальцами по гладкой зеленой поверхности и останавливаюсь на тугом банте спереди, под горлом.

Он тянет руку, но я перехватываю и отталкиваю ее.

- Не трогай мою ленту, - говорю я. - Тебе нельзя ее трогать.

Перед тем как вернуться в дом, он спрашивает, увидит ли меня снова. Я отвечаю, что буду рада. В ту ночь, прежде чем заснуть, я вновь представляю себе его и как язык проникает в мой рот, мои пальцы скользят по моей коже, я воображаю его там и там, сплошь сильные мышцы и желание доставить мне удовольствие, и решаю: мы поженимся.

Мы поженились. То есть скоро поженимся. Но пока он везет меня в своей машине, поздно, в темноте, к озеру с болотистыми берегами, вплотную к воде не подойдешь. Он целует меня и обхватывает ладонью мою грудь, сосок набухает под его пальцами. Я не вполне понимаю, что он собирается делать, но он это уже делает. Твердый, горячий, сухой, пахнет хлебом, и, когда он вторгается в меня, я вскрикиваю и цепляюсь за него, как утопающая. Его тело соединено с моим, он напирает, напирает и под самый конец выходит из меня и завершает, измазанный моей кровью. Меня чарует и возбуждает ритм его движений, осязаемость его нужды во мне, очевидность ее утоления. Затем он обмякает на сиденье, и тогда становятся слышны звуки озера: гагары, сверчки и кто-то еще, будто щиплют струну банджо. От воды поднимается ветер, остужает мое тело.

Что мне делать теперь? Я не знаю. Чувствую, как сердце бьется у меня промеж ног. Больно, и все же я могу вообразить, как это бывает хорошо. Провожу рукой по этому своему месту, и откуда-то издали доносятся отголоски наслаждения. Дыхание его успокаивается, я вдруг осознаю, что он наблюдает за мной. Кожа моя блестит и переливается под проникающим в окно машины лунным лучом. Увидев, как он смотрит, я понимаю: я смогу поймать удовольствие, так кончики пальцев успевают ухватить за веревочку и вернуть уже почти что улетевший воздушный шар. Я слегка тяну и постанываю, медленно, равномерно поднимаясь на гребень экстаза, все это время осторожно прикусывая язык.

- Мне нужно больше, - говорит он, но ничего не делает. Смотрит в окно, и я тоже.

Там, в темноте, что угодно может шевелиться, думаю я. Мужчина с крюком вместо руки. Призрак автостопщика, вечно повторяющего один и тот же

маршрут. Старуха, которую дети вызвали заклинаниями из спокойного убежища в зеркале. Все знают такие истории – вернее, все пересказывают их, даже те, кто на самом деле их не знает, – но никто в них не верит.

Его взгляд скользит по воде и возвращается ко мне.

– Расскажи про твою ленточку, – просит он.

– Что тут рассказывать? Ленточка и ленточка.

– Можно ее потрогать?

– Нет.

– Но я хочу ее потрогать, – говорит он. Его пальцы вздрагивают, и я выпрямляюсь, сдвинув колени.

– Нет.

Что-то в озере с усилием выдирается из воды, затем вновь плюхается в нее. Он оборачивается на шум.

– Рыба, – говорит он.

– Когда-нибудь я расскажу тебе истории об этом озере и его обитателях, – обещаю я.

Он улыбается мне и потирает челюсть. Немного моей крови размазалось по его коже, но он не заметил, а я ничего не сказала.

– Я был бы очень рад послушать, – говорит он.

– Отвези меня домой, – прошу я.

И, как истинный джентльмен, он разворачивает автомобиль.

В тот вечер, в ванной, шелковистая мыльная пена меж моих ног цветом и запахом напоминает ржавчину, и все же я чувствую себя совсем новенькой.

Родителям он очень нравится. Славный юноша, говорят они. Будет хорошим мужем. Расспрашивают его о работе, увлечениях, семье.

Он крепко жмет руку моему отцу, а маме отвешивает комплименты, от которых она краснеет и взвизгивает, как девчонка. Он приезжает дважды, трижды в неделю. Мама приглашает его отужинать вместе с нами; пока мы едим, я под столом впиваюсь ногтями ему в ногу. Потом, когда остатки мороженого растекаются в тарелке, говорю родителям, что мы прогуляемся по аллее. Мы выходим в ночь, скромно держась за руки, пока не скроемся из виду. Я тащу его под деревья, мы протискиваемся между стволами, находим участок свободной земли, я стягиваю с себя трусы и на четвереньках отдаю ему.

Я знаю все истории о девушках, которые вели себя как я, и не боюсь добавить к ним свою. Я слышу, как брякнула металлическая пряжка его брюк, и шорох, с каким брюки падают наземь, чувствую его длину – пока не всю, – твердо прижимающуюся ко мне. Я умоляю:

– Не дразни!

И он подчиняется.

Постанывая, я отвечаю толчком на толчок, мы совокупаемся на поляне, возгласы моего блаженства смешиваются с возгласами его торжества и растворяются в ночи. Мы еще только учимся, он и я.

Но установлены два правила: не кончать в меня и не дотрагиваться до моей зеленой ленточки. Он изливается на землю, кап-кап-кап, будто начинается дождик. Я хочу потрогать себя, но пальцы, которыми я впивалась в грязь, замараны. Я натягиваю белье и чулки. Он издает предостерегающий звук, тычет пальцем – я вижу сквозь нейлон, что и на коленях запеклась грязь. Скатываю чулки, вытираюсь, снова их натягиваю. Расправляю юбку, закалываю волосы. У него от усилий одна прядь выбилась из тщательно прилизанных кудрей. Я возвращаю ее на место. Мы доходим до ручья, и я начисто отмываю ладони в быстро текущей воде.

Шагаем обратно к дому, целомудренно соединив руки. Мама уже сварила кофе, отец спрашивает молодого человека о работе.

(Если вы читаете этот рассказ вслух, звуки на лужайке лучше всего воспроизвести так: вдохните поглубже и как можно дольше удерживайте воздух. Потом выдохните разом, пусть грудь резко опадет, словно башня из кубиков, которую толкнули ногой. Повторяйте это снова и снова, сокращая интервалы между глубоким вдохом и выдохом.)

Я всегда рассказывала истории. Когда я была совсем маленькой, мама на руках вытащила меня из продуктового магазина, потому что я вопила, мол, там продаются пальцы. Пальцы ног. Обрубки. Женщины тревожно оборачивались и глядели, как я лягаю ногами воздух и колочу кулаками по изящной маминной спине.

– Отруби! – попыталась она меня вразумить, когда мы вернулись домой. – Отруби! Не обрубки!

Она приказала мне сидеть на моем стульчике – специальном, детского размера, сколоченном для меня – пока папа не вернется домой. Но нет, я видела пальцы, пальцы ног, бледные, окровавленные обрубки, затаившиеся среди обычных корнеплодов. Один из них, тот, который я потрогала кончиком указательного пальца, оказался холодным, как лед, и податливым, словно вздувшийся волдырь.

Когда я настойчиво повторила эту подробность маме, что-то метнулось во влаге ее глаз, будто напуганная кошка.

– Сиди тут, – велела она.

Вечером отец возвратился с работы и выслушал эту историю от матери во всех подробностях.

– Ты же знакома с мистером Барнсом, верно? – сказал он мне.

Барнс – пожилой мужчина, хозяин того магазинчика. Однажды я его видела, так и ответила папе. Волосы у Барнса белые, будто небо перед снегопадом, а его

жена рисовала вывески для витрин.

– С какой стати мистер Барнс стал бы продавать отрубленные пальцы? – спросил меня отец. – Откуда бы он их взял?

Поскольку я была еще мала и понятия не имела о кладбищах и моргах, ответить на этот вопрос я не могла.

– И даже если бы он где-нибудь их раздобыл, – продолжал отец, – какая ему выгода раскладывать их среди продуктов?

И все же пальцы там лежали. Я видела их собственными глазами. Но под солнечными лучами папиной логики во мне ожили сомнения.

– И наконец, – папа, торжествуя, добрался до главного и завершающего довода, – как случилось, что никто, кроме тебя, не заметил там обрубков?

Будь я взрослой, могла бы возразить отцу, что в этом мире бывают истинные сущности, которые разглядит лишь одна пара глаз. Но в ту пору, ребенком, я приняла его версию истории и засмеялась, когда он подхватил меня со стула, поцеловал и сказал, мол, беги играй.

Считается неправильным, чтобы девочка наставляла мальчика, но я всего лишь показываю ему, чего хочу, какие сцены разыгрываются изнутри моих век перед тем, как я засну. Он научился распознавать мгновенный промельк желания на моем лице. Я ничего от него не скрываю. Когда он говорит мне, что хочет мой рот, хочет мое горло на всю глубину, я привыкаю сдерживать рвотный позыв и принимаю его целиком в себя, вливаю солоноватый вкус. Когда он выспрашивает мой самый страшный секрет, я рассказываю об учителе, который запер меня в подсобке, дождался, пока все разошлись, и заставил меня взять в руки эту штуку, и как потом я пришла домой и скребла руки металлической щеткой, до крови. Рассказываю ему, хотя воспоминание вызывает такой прилив гнева и стыда, что меня потом целый месяц мучат кошмары. И когда перед самым моим восемнадцатилетием он просит меня выйти за него замуж, я говорю: «Да, да, пожалуйста», на парковой скамье усаживаюсь ему на колени и расправляю юбку вокруг нас так, чтобы прохожие не угадали, что творится под плотной тканью.

– Мне кажется, я изучил тебя почти со всех сторон, – говорит он, засунув в меня пальцы и стараясь не пыхтеть слишком громко. – А теперь я узнаю тебя целиком.

Рассказывают также историю об одной девушке – сверстники подначивали ее сходить на местное кладбище после захода солнца. Зря она согласилась: когда ее предупредили, что не стоит наступать в темноте на могилу, а то ее обитатель высунется и утащит тебя за собой, она усмехнулась. Усмехаться – первая ошибка из тех, что часто допускают женщины.

– Жизнь слишком коротка, чтоб бояться пустяков, – сказала она. – Я вам докажу.

Гордыня – это уже вторая ошибка.

Она справится, утверждала девушка, с ней никакие такие ужасы произойти не могут. Итак, ей дали нож – пусть воткнет его в промерзшую землю как доказательство, что побывала на кладбище и оказалась права.

Она пошла на кладбище. Некоторые рассказчики говорят, она выбрала случайную могилу, я же считаю, она предпочла одну из самых древних, и выбор ее был обусловлен запоздалым сомнением в своей правоте и тайной мыслью: если она окажется не права, то нераспавшиеся мускулы и мясо свежезахороненного трупа будут опаснее, чем тот, кто мертв уже не первое столетие.

Возле могилы она опустилась на колени и глубоко вонзила нож. А когда встала и хотела бежать – ведь тут не было свидетелей ее трусости, – убедилась, что спастись невозможно. Что-то держало ее за одежду. Девушка вскрикнула и рухнула наземь.

Настало утро, ее друзья явились на кладбище и нашли ее мертвой на чужой могиле, нож пригвоздил к земле плотные складки шерстяной юбки. От холода она умерла или от страха, велика ли разница для ее родителей? Девушка была права, но и это не имело теперь значения. Впоследствии все поверили, будто она искала смерти, хотя на самом деле она погибла, как раз пытаясь сохранить свою жизнь.

Оказалось, что правота была ее третьей – и наихудшей – ошибкой.

Мои родители рады предстоящему браку. Мама говорит, хотя нынче девушки стали выходить замуж поздно, сама она обвенчалась с моим отцом в девятнадцать лет и до сих пор счастлива.

Выбирая свадебное платье, я припоминаю историю молодой женщины, которая хотела пойти на танцы со своим возлюбленным, но денег на новый наряд ей не хватало. Она купила симпатичное белое платье в магазине подержанных вещей и вскоре слегла и покинула этот мир. Врач, ухаживавший за ней в последние дни, пришел к выводу, что она погибла от воздействия бальзамической жидкости. Выяснилось, что беспринципный подручный гробовщика украл это платье прямо с труп невесты.

Мораль истории, полагаю, такова: бедность убивает. Я потратила на подвенечное платье больше, чем планировала, но оно прекрасно, и лучше потратиться, чем умереть. Убирая платье в сундук с приданым, я вспоминаю о той невесте, что вздумала в день собственной свадьбы поиграть в прятки и затаилась на чердаке, влезла в старый ларь, а тот возьми и захлопнись наглухо; изнутри его открыть не удалось. Так невеста и скончалась в этой ловушке. Все думали, она с кем-то сбежала, и лишь много лет спустя служанка наткнулась на скелет в белом платье, скрючившийся внутри тайной темноты. С невестами в разных историях вечно приключаются беды. Истории чуют счастье и гасят его, словно свечу.

Мы играем свадьбу в апреле, в не по сезону холодный день. Увидев меня перед церемонией, уже в платье, он настойчиво, глубоко меня целует, сует руку за лиф, твердеет. Я говорю ему: хочу, чтобы он воспользовался моим телом так, как сочтет наилучшим. Учитывая обстоятельства, я отменяю первое свое правило. Он прижимает меня к стене, рукой упирается в кафельную плитку возле моей шеи, для равновесия. Большой палец поглаживает мою ленточку. И он не убирает оттуда руку, пока внедряется в меня, повторяя: «Я тебя люблю тебя люблю тебя люблю». Не знаю, была ли я первой женщиной, которая прошла к алтарю в храме Святого Георгия, чувствуя, как мужское семя стекает по ее ногам, но мне приятно думать, что это так.

Медовый месяц мы проводим в поездке по Европе. Мы небогаты, но это можем себе позволить. Европа – материк историй, и между оргазмами я узнаю всё новые. Мы перемещаемся из многолюдных древних столиц в сонные деревушки, альпийские тихие уголки и вновь в города, пьем алкоголь и зубами отрываем жареное мясо от кости, едим шпецле, оливки, равиоли и какую-то сливочного вкуса крупу, название которой я не знаю, но жажду ее каждое утро. Спальный вагон нам не по карману, но мой муж подкупает проводника, тот пускает нас на часок в пустое купе, и мы совокупаемся над Рейном, муж прижимает меня к хлипкой стенке и завывает, словно существо более древнее, чем горы, мимо которых мы проезжаем. Я понимаю, что это еще не весь мир, но это первая его часть, какую мне довелось увидеть. Меня будоражат возможности.

(Если вы читаете эту историю вслух, воспроизведите звук вагонной полки, скрипящей от движения вагона и от любовной игры, потянув в разные стороны спинку и ножки складного металлического стула. А когда устанете ломать стул, спойте полузабытую старую песенку тому, кто вам всего ближе, спойте ее вместо колыбельной.)

Месячные у меня прекратились вскоре после возвращения из поездки. Однажды ночью я сообщаю об этом мужу, когда мы, изнуренные, валяемся на постели. Он сияет от радости.

– Ребенок! – выдыхает он и ложится поудобнее, руки за голову. – Ребенок.

Он долго молчит, я уж думаю, не заснул ли, проверяю – глаза открыты, смотрят в потолок. Он перекачивается на бок и глядит на меня:

– А у ребенка тоже будет ленточка?

Я чувствую, как набухают желваки на скулах, и невольно тянусь погладить свой бантик. Разум мечется между множеством ответов, и я выбираю тот, который в наименьшей степени дает волю моему гневу.

– Заранее этого не скажешь, – вот что я отвечаю в итоге.

И тут он пугает меня – проводит рукой вокруг моей шеи. Я вскидываю руки, пытаюсь его остановить, но муж пускает в ход силу, одной рукой придерживает мои запястья, а другой трогает ленточку. Придавил шелковую ткань большим пальцем, прошелся по всей длине. Бантика он касается нежно, словно ласкает мой клитор.

– Пожалуйста, – умоляю я, – пожалуйста, не трогай!

Он будто не слышит.

– Пожалуйста! – повторяю я громче, но голос осекается на полуслове.

Он мог сделать это прямо тогда – развязать ленточку, если бы ему вздумалось. Но он отпускает меня и снова перекачивается на спину, как ни в чем не бывало. Запястья ноют, я потираю одно, потом другое.

– Пойду попою, – говорю я, встаю и выхожу в ванную. Открываю кран и, пока льется вода, лихорадочно проверяю, цела ли моя ленточка. Слезы висят на ресницах. Да, бантик тугой, как и был.

Мне нравится одна история об американских пионерах, муже и жене, которых загрызли волки. Соседи обнаружили их изувеченные трупы, куски тел, разбросанные вокруг маленькой хижины внутренности, но дочь-младенца так и не сумели найти, ни живой, ни мертвой. Люди говорили, что видели девочку с волчьей стаей, бегала, мол, по дикой местности столь же вольная и хищная, как ее четвероногие спутники.

Известия о ней время от времени прокатывались по тамошним поселениям: то девочка напугала охотника в зимнем лесу (может быть, не так уж велика была угроза, но, когда голая маленькая девочка оскалила зубы и завывала, у него от ужаса кости затряслись во всем теле), то девушка-подросток, на грани брачного возраста, попыталась завалить лошадь. Видели даже, как она разодрала цыпленка – взрыв перьев и пуха.

Много лет спустя, рассказывали, ее заметили в тростнике на берегу реки – она лежала там, кормя грудью двух волчат. Мне нравится воображать, будто она их

родила: хотя бы однажды волчий род пересекся с человеческим. Разумеется, они истерзали ее груди в кровь, но ее это не печалило: волчата принадлежали ей, только ей одной. Уверена, когда их носы и зубы тыкались в ее плоть, она ощущала себя в безопасности, она обрела мир, какого нигде более не могла найти. Среди волков ей было гораздо лучше, чем среди людей. Уж это я знаю точно.

Проходят месяцы, мой живот наливается. Внутри меня плавает ребенок, свирепо дрыгая ногами, пиная меня, толкая, когтя. На людях я порой резко втягиваю в себя воздух, хромаю прочь, сквозь зубы шиплю на Мелкого, так я его зову: «Хватит, хватит!» Однажды я забрела в ту самую аллею, где год назад муж сделал мне предложение, и рухнула на колени, тяжело дыша, почти рыдая. Проходившая мимо женщина помогла мне сесть, напоила водой и сказала: первая беременность самая тяжелая, следующие будут легче.

Да, самая тяжелая, и дело не только в том, как изменилось мое тело. Я пою своему дитяти и вспоминаю старинные приметы про высокий и низкий живот. Ношу ли я в себе мальчика, новый образ его отца? Или девочку, дочь, благодаря которой станут ласковыми рожденные после нее сыночки? У меня брата или сестры не было, но я знаю: девочка-первенец учит младших братьев нежности, а они защищают ее от всех – мысль о такой гармонии согревает мое сердце.

Многих перемен в теле я не ожидала. Грудь большие и горячие, живот усеян бледными растяжками, выворотка тигровой шкуры. Чувствую себя чудовищем, но в муже вспыхивает желание, как будто эти мои небывалые формы открывают путь к новым извращениям. И мое тело откликается: стоя в очереди к кассе магазина, принимая причастие в церкви, я ощущаю клеймо этого нового и яростного желания и от малейшей провокации взбухаю и увлажняюсь. Вечером муж возвращается домой, на уме у него целый список вещей, которых он хочет от меня, и я готова предоставить ему все это и сверх того, ведь я так и зависла на грани оргазма с утра, еще когда покупала морковь и хлеб.

– Я самый счастливый человек на свете, – говорит муж, обеими руками глядя мой живот.

Утром он целует меня и ласкает, а порой успевает взять меня перед кофе с тостами. Пружинящей походкой он отправляется на работу. Возвращается и

сообщает, что его повысили. Потом снова продвинули.

- Больше денег для моей семьи, - твердит он. - Больше денег для нашего счастья.

Роды начались посреди ночи, каждый дюйм моего тела завязывается чудовищным узлом и не может освободиться. Я воплю, как не вопила с той ночи у озера, только причина другая. Радость от мысли, что мое дитя выходит на свет, уничтожена этой неумемной мукой.

Двадцать часов длятся схватки. Я едва не вывихнула мужу руку, я выкрикиваю непристойности, и они совсем не шокируют акушерку. Врач тоже терпелив до отвращения. Заглядывает промеж моих ног, белые брови скачут по лбу, передавая невнятные сообщения азбукой Морзе.

- Что происходит? - спрашиваю я.

- Дышите.

Я уверена: еще немного, и я в порошок сотру, скрежеща, собственные зубы. Я оглядываюсь на мужа - он целует меня в лоб и тоже спрашивает врача, что происходит.

- По всей видимости, естественные роды не получатся, - говорит врач. - Вероятно, придется извлечь ребенка хирургическим путем.

- О нет, - говорю я. - Прошу вас, я так не хочу.

- Если в ближайшее время не начнется движение, мы сделаем это, - отвечает врач. - И так, вероятно, будет лучше для всех.

Он поднимает голову, и мне кажется, он подмигивает мужу, но из-за боли разум мой помутился и видит все не так, как на самом деле.

Мысленно я заключаю уговор с Мелким. «Мелкий, - думаю я, - скоро мы уже не будем вдвоем, только ты и я. Пожалуйста, сделай так, чтобы им не пришлось

вырезать тебя из меня».

Двадцать минут спустя Мелкий появляется на свет. Им пришлось все-таки сделать разрез, но хоть не поперек живота, чего я больше всего опасалась. Врач проводит скальпелем там, внизу, я почти ничего не чувствую, только слегка тянет – возможно, причина в том средстве, которое мне дали. Малыша кладут мне в руки, и я осматриваю сморщенное тельце с головы до пальцев на ногах – цвета закатного неба с красными подтеками.

Ленточки нет. Мальчик. Я в слезах прижимаю немеченого младенца к груди. Акушерка показывает, как его кормить, и я счастлива – чувствую, как он сосет, пересчитываю согнутые пальчики, крохотные запятушки, все пальчики на обеих руках.

(Если вы читаете эту историю вслух, вручите слушателям нож для чистки овощей и велите надрезать тонкую кожицу между большим и указательным пальцем у вас на руке. Поблагодарите.)

Есть история о женщине, у которой начались роды в тот момент, когда наблюдавший за ней врач выбился из сил. Есть история о женщине, которая сама родилась преждевременно. Есть история о женщине, чье тело так крепко удерживало ребенка, что пришлось вскрыть ее, чтобы извлечь малыша. Есть история о женщине, которая слышала историю о женщине, которая тайно родила волчат. Как подумаешь, историям свойственно сливаться воедино, словно каплям, упавшим в пруд. Каждая капля зарождается в тучах сама по себе, но, когда они соединяются, одну уже не отделить от другой.

(Если вы читаете мою историю вслух, раздвиньте занавески, чтобы внушить слушателям эту заключительную мысль. Уверена, сейчас идет дождь.)

Малыша уносят, чтобы зашить меня там, где разрежали. Используют какое-то средство, от которого я погружаюсь в дремоту, – оно поступает через маску, бережно прижимаемую к моему носу и рту. Муж пошучивает с врачами, пока держит меня за руку.

- Сколько возьмете за дополнительный шов? - спрашивает он. - У вас же есть на это преискурант, верно?

- Перестань, - прошу я, но звуки выходят изо рта смазанные, перекрученные - должно быть, мужчины слышат только тихий стон. Ни один из них не поворачивает головы.

Доктор усмехается:

- Не вы первый...

Меня затягивает в длинный тоннель, потом я выныриваю, покрытая чем-то вязким и темным, словно нефть. Думала, меня вырвет.

- слухи, будто что-то вроде...

- как будто бы...

- будто бы девствен...

И тут я просыпаюсь, совсем просыпаюсь, - а мужа нет, и доктора тоже нет. А мой ребенок, где же... В комнату заглядывает акушерка.

- Ваш супруг отошел выпить кофе, - сообщает она. - А малыш спит в люльке.

Следом заходит врач, вытирая руки о салфетку.

- Вас зашили, не о чем беспокоиться, - говорит он. - Туго и накрепко, все будут счастливы. Сестра вам расскажет, как ухаживать за собой. А сейчас вам надо отдохнуть.

Младенец просыпается. Акушерка подхватывает его из колыбели и снова сует мне в руки. Он так прекрасен, что я забываю дышать.

Понемногу, день за днем, я оправляюсь. Двигаюсь медленно, все болит. Муж пытается меня потрогать, я его отталкиваю. Я мечтаю вернуться к прежней нашей жизни, только пока ничего не поделаешь. Я кормлю грудью и поднимаюсь в любой час ночи к нашему малышу – несмотря на боль.

Как-то раз я беру в руку член мужа, и муж так доволен, что я понимаю: я смогу удовлетворить его, даже если сама останусь неудовлетворенной. А примерно тогда, когда нашему сыну исполняется год, я чувствую себя достаточно исцелившейся, чтобы вернуться на супружеское ложе. Я плачу от счастья, когда муж касается меня, когда наполняет меня так, как я все эти месяцы мечтала наполниться.

У меня хороший сын. Растет и растет. Мы пытаемся сделать второго, но я начинаю подозревать, что Мелкий слишком много внутри меня порушил и мое тело уже не послужит приютом новому ребенку.

– Плохой ты арендатор, Мелкий, – говорю я ему, втирая шампунь в его тонкие темные волосенки. – Не видать тебе своего депозита.

Он плещется в ванне и заливается счастливым смехом.

Сын иногда трогает мою ленточку, но эти прикосновения не пугают меня. Он воспринимает ленточку словно часть меня и обращается с ней точно так же, как с моим ухом или пальцем. Получает от этого беспримесное наслаждение, и я этому рада.

Не могу понять, огорчен ли мой муж тем, что у нас больше не будет детей. Печали он держит при себе так же скрытно, как открыто выражает желания. Он хороший отец и любит своего мальчика. Вернувшись с работы, бегают с ним во дворе, играет в догонялки. Ребенок пока слишком мал, чтобы ловить мяч, но муж терпеливо подкатывает мяч по траве, наш сын поднимает его и снова роняет, и тогда муж машет мне и кричит:

– Видела? Видела? Скоро бросать научится!

Из всех историй, какие я знаю о матерях, вот наиболее правдивая. Юная американка приехала в Париж вместе с матерью, и та заболела. Они решили поселиться в отеле, чтобы мать несколько дней отдохнула. Дочка вызвала к ней врача.

Врач быстро осмотрел недомогающую и сказал дочери: нужно такое-то лекарство, и все будет в порядке. Он посадил девушку в такси, по-французски проинструктировал шофера, а девушке пояснил, что велел отвезти ее к нему домой, там жена по рецепту выдаст нужное лекарство. И вот они едут, очень долго, а когда наконец добираются туда, где живет врач, девушку изводит невыносимая медлительность его жены, та скрупулезно толчет таблетки в порошок. Потом девушка возвращается в такси, водитель кружит по городу, порой вновь выскакивая на ту же самую улицу. В отчаянии девушка выходит из такси, хочет вернуться в отель пешком. Когда же она все-таки попадает в отель, портье заявляет, что никогда ее прежде не видел. Она бежит в номер, где оставалась ее мать, но там и стены другого цвета, и мебель не такая, как ей запомнилась, и матери нигде нет.

У этой истории есть несколько разных концовок. В одной девушка проявила отвагу и настойчивость, сняла комнату поблизости и караулила под дверью гостиницы, сумела соблазнить молодого человека из отельной прачечной и выяснила правду: ее мать скончалась от смертельной и очень заразной болезни, покинула этот мир вскоре после того, как доктор отослал дочь из отеля. Чтобы спасти город от паники, служащие гостиницы сразу вынесли и похоронили тело, перекрасили и заново обставили комнату и подкупили всех причастных, чтобы те всё напрочь забыли и отрицали встречу с этой парой.

В другой версии девушка годами блуждает по улицам Парижа, считая себя сумасшедшей, считая, что и ее мать, и жизнь с матерью – фантазии ее поврежденного разума. В печали и растерянности дочь кочует из отеля в отель и сама не знает, о ком скорбит. Каждый раз, когда ее гонят из очередного роскошного холла, она плачет о некоей утрате. Ее мать мертва, но девушка этого не знает и не узнает, пока, в свою очередь, не умрет – при условии, что вы верите в рай.

Не вижу надобности пояснять мораль этой истории. Думаю, вы и так ее поняли.

В пять лет наш сын идет в школу, и я узнаю учительницу начального класса: тогда, в парке, она присела рядом со мной на корточки, пыталась помочь, предсказала в будущем беременности полегче. Она тоже меня напоминает, мы коротко беседуем в коридоре. Я говорю ей, что других детей, кроме сына, у нас нет и теперь, когда он пошел в школу, дни мои заполнятся бездельем и скукой. Учительница добра. Она отвечает: если надо чем-то себя занять, то в местном колледже есть прекрасный арт-класс для женщин.

В ту ночь, после того как наш сын засыпает, муж тянет руку и скользит ладонью по моей ноге.

- Иди ко мне, - зовет он, и я ощущаю спазм наслаждения.

Я спрыгиваю с дивана, красиво разглаживаю юбку и на коленях подползаю к мужу. Целую его ногу, поднимаюсь по ней рукой, хватаюсь за пряжку ремня, высвобождаю мужа из одежд и оков, проглатываю целиком. Он зарывается пальцами в мои волосы, гладит, стонет, вонзается в меня. И я не заметила, как его рука скользнула по моему затылку - не заметила, пока он не попытался подсунуть пальцы под ленточку. Я задыхаюсь, отодвигаюсь так поспешно, что заваливаюсь на спину, в торопливом отчаянии ощущаю бантик. Муж сидит неподвижно, скользкий от моей слюны.

- Иди сюда, - зовет он.

- Нет, - отвечаю я. - Ты будешь трогать мою ленточку.

Он встает, упихивается в штаны, застегивает молнию.

- У жены, - произносит он, - не должно быть секретов от мужа.

- Нет у меня секретов, - возражаю я.

- А ленточка?

- Ленточка вовсе не секрет. Просто она - моя.

- Ты с ней родилась? Почему на шее? Почему она зеленая?

Я молчу.

Он долго ждет ответа. Потом повторяет:

- У жены не должно быть секретов.

В носу щиплет. Я стараюсь не расплакаться.

- Я всегда тебе давала всё, о чем бы ты ни попросил, - напоминаю я. - Неужели нельзя оставить мне это - всего лишь?

- Я хочу знать.

- Тебе кажется. На самом деле тебе вовсе не хочется знать, - сказала я.

- Зачем ты прячешь это от меня?

- Я не прячу ленточку. Но она не твоя, вот и все.

Он опускается на пол рядом со мной, дохнув бурбоном, я отшатываюсь. Слышу какой-то скрип - оба поднимаем головы и видим, как пробегают вверх по лестнице босые стопы сына.

В ту ночь муж засыпает в пылком, горящем гневе, но гнев исчез, как только он по-настоящему уснул. А я еще долго лежу, прислушиваясь к его дыханию, гадая, нет ли у мужчин ленточек - только выглядящих иначе, не как ленточки. Может быть, все мы по-разному отмечены и не всегда это видно.

На следующий день сын дотрагивается до моей шеи и спрашивает, зачем ленточка. Пытается дернуть за нее. Мне нелегко так резко его ошарашить, но приходится, чтобы он усвоил запрет. Я встряхиваю жестянку с монетами. Жестянка резко гремит, ребенок, отшатнувшись, заходится плачем. Что-то важное мы с ним в тот момент утратили и никогда больше не смогли вернуть.

(Если вы читаете эту историю вслух, приготовьте заранее банку из-под газировки, наполненную медяками. Когда доберетесь до этого момента,

потрясите изо всех сил жестяной перед ближайшими слушателями. Проследите, как удивление и испуг сменяются на их лицах обидой. До конца ваших дней на вас, предателя, будут смотреть не так, как смотрели прежде.)

Я записываюсь на курсы искусств для женщин. Пока муж на работе, а сын в школе, езжу в зеленый разросшийся кампус, иду в приземистое серое здание, где проходят уроки рисования. Очевидно, приличия ради обнаженная мужская модель на занятия не допускается, но класс и без того вибрирует энергией – нагое тело незнакомой женщины само по себе удивительно и сложно, есть на что посмотреть и о чем подумать, пока чиркаешь углем и смешиваешь краски. Не раз я наблюдаю, как женщины ерзают взад-вперед на стуле, чтобы кровь отхлынула.

Чаще других появлялась натурщица с красной ленточкой на тонкой изящной лодыжке. Ее кожа оливкового оттенка, от пупка вниз бежит дорожка темных волос. Я знаю, что не вправе ее хотеть – не потому, что она женщина, и не потому, что чужая, но потому, что профессия вынуждает ее раздеваться перед нами, и мне стыдно было бы воспользоваться этим. Мне порядком стыдно уже потому, что мой взгляд блуждает по ее телу и по мере того, как мой карандаш прослеживает ее формы, в тайных уголках моего разума там же блуждает моя рука. Я толком не знаю, как подобное происходит, но возможности разжигают меня почти до безумия.

Однажды после занятий я иду по коридору, заворачиваю за угол – и вот она, эта женщина. Одета, закутана в плащ от дождя. Взгляд ее пронзает меня: с такого расстояния я замечаю золотой ободок вокруг каждого ее зрачка, словно ее глаза – два близнецных затмения солнца. Она здоровается со мной, я с ней.

Мы усаживаемся рядом в соседней столовой, так близко, что порой наши колени соприкасаются под пластиковым столом. Она заказывает чашку кофе, и это меня удивляет, хотя не могу объяснить почему. Я спрашиваю, есть ли у нее дети. Да, отвечает она, есть дочка, красивая девочка одиннадцати лет.

– Одиннадцать – возраст ужаса, – говорит она. – До своих одиннадцати я ничего не помню, а потом вдруг откуда ни возьмись – и краски, и крах, и страх. Какая метаморфоза, – произносит она, – какой спектакль.

На миг ее лицо скользит куда-то прочь, будто она с головой погружается в озеро, а когда выныривает, вкратце рассказывает о достижениях дочери в музыке и пении.

Особые страхи, сопутствующие воспитанию девочки, мы не обсуждаем. Честно говоря, я о таком и спрашивать боюсь. Не спрашиваю я и о том, замужем ли она, а она сама тоже ничего не говорит (обручального кольца нет). Мы беседуем о моем сыне, о занятиях в арт-классе. Мне до смерти хочется знать, какая беда вынуждает ее раздеваться перед нами, но и об этом я тоже не спрашиваю, может быть, потому, что ответ – как отрочество – оказался бы слишком страшным и его уже не забыть.

Я околдована ею, по-другому и не скажешь. В ней есть какая-то легкость, но не такая, какая была у меня в юности, – такая, какая у меня сейчас. Она похожа на тесто: оно так поддается мясущим его рукам, что скрывает свою плотность, свой потенциал. Стоит отвести глаза от этой женщины, а потом посмотреть вновь – и она словно бы увеличивается вдвое.

– Давайте еще как-нибудь поболтаем, – говорю я ей. – Мне было очень приятно.

Она кивает в ответ. Я оплачиваю ее кофе.

Рассказывать о ней мужу я не хочу, но он чует во мне иное, неутоленное желание – однажды ночью спрашивает, что со мной творится, и я признаюсь. Я даже описываю подробно ее ленточку, отчего стыд приливной волной затапливает меня.

Он приходит в такой восторг, что наборматывает длинную, изнурительную фантазию – снимая при этом штаны и входя в меня. Я слышу не все, хотя, полагаю, в этой фантазии я и та женщина были вместе или же обе были с ним.

Я чувствую, что каким-то образом предала ту женщину, и никогда больше не возвращаюсь в колледж. Нахожу другие дела, чтобы занять свой день.

(Если вы читаете эту историю вслух, заставьте слушателя раскрыть самый для него мучительный секрет, потом откройте ближайшее окно и прокричите его признание на всю улицу, как можно громче.)

Одна из моих любимых историй – о старухе и ее муже, жестоком, как понедельник, злобном подлеце, чей буйный нрав и непредсказуемые капризы держали супругу в постоянном страхе. Утихомирить его она могла только своей готовкой, тут он был полностью в ее руках. Однажды он принес жирную печень и велел жене ее потушить, и она так и сделала, пустив в ход приправы и подливку. Но аромат созданного ею блюда одолел и ее, женщина попробовала кусочек, еще кусочек, и вскоре печень исчезла. Денег на покупку другого куска мяса у нее не было, и она страшилась расправы, когда муж обнаружит, что остался без ужина. И вот она прокралась в ближнюю церковь, куда только что принесли перед погребением покойницу. Женщина подобралась к окутанной в саван фигуре, воткнула в нее кухонные ножницы и вырезала печень из трупа.

В тот вечер муж этой женщины промокнул губы салфеткой и объявил, что съел лучший ужин в своей жизни. Когда они легли спать, старуха услышала, как открылась дверь и пронзительный плач разнесся по комнатам: «Кто взял мою печень? Кто-о-о взял мою печень?»

Старуха слышала, как голос шаг за шагом приближается к спальне. Утих на мгновение, когда распахнулась дверь. А потом мертвая женщина повторила свою жалобу.

Старуха откинула одеяло со своего мужа.

– Твоя печень у него! – ответила она, ликуя.

А потом заглянула в лицо мертвой женщины и узнала собственные глаза и рот. Перевела взгляд на свой живот и только тут припомнила, как взрезала свое брюхо. Она истекла кровью прямо в постели, повторяя шепотом слова, которых ни вы, ни я не узнаем. А рядом с ней продолжал храпеть ее старик, хотя кровь уже пропитала матрас насквозь.

Возможно, это не та версия истории, которая вам известна. Но, уверяю вас, именно эту версию вам следует знать.

Моего мужа странно возбуждает Хэллоуин. Я взяла его старый твидовый пиджак и перешила для сына, пусть изображает маленького профессора или еще какого ученого. Я даже дала ему трубку, и сын сжал ее зубами – так умело, повзрослому, что я расстроилась.

– Мама, – спрашивает сын, – а ты кто?

Я не надеваю костюм и отвечаю, что я – его мама.

Трубка падает из его ротика на пол, малыш визжит так пронзительно, что я застываю на месте. Муж кидается к нему, подхватывает на руки, заговаривает с ним негромко, снова и снова окликая всхлипывающего ребенка по имени. Лишь когда сын успокаивается и его дыхание выравнивается, я догадываюсь, в чем дело. Он слишком мал и не знает историю непослушных девочек: они требовали игрушечный барабан и изводили маму, пока та не ушла прочь, а на ее месте появилась новая мать со стеклянными глазами и деревянным хвостом – стук-стук по полу. Мальчик мой слишком мал для таких историй и спрятанных в них истин, но я неумышленно рассказала ему историю о маленьком мальчике, который в Хэллоуин впервые понял, что его мать – не его мать и становится ею лишь в тот день, когда все надевают маски. Сожаление изжогой опалило горло. Я попыталась прижать сына к себе и поцеловать, но он торопится на улицу – там уже заходит солнце и холодный туман наливается фиолетовой тенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Который рассказывал мне сказки и навсегда остался моим любимым (исп.). Здесь и далее примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.me/ru/machado_karmen-mariya/ee-telo-i-drugie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)